

Размышления над стихотворением Михаила Грозовского

«Я расшатал опору ночи»

*«Я расшатал опору ночи.
И вылез бодрствующий гад
Из тёмных недр
И что есть мочи
Ужалил землю наугад...
И скрылся...
И душа в неволе
Зашевелилась тяжело.
А сердце мучилось от боли
И жить без боли не могло».*

Когда я впервые прочла это стихотворение, меня поразила проникновенность, с которой поэт вольно или невольно коснулся одной из главных загадок человечества - загадке боли, которую он на интуитивном уровне, фактически, связал с грехопадением человека, ибо по содержанию стихотворение похоже на библейскую притчу, причём притчу Адама, рассказывающего о происшедшей с ним трагедии, когда он, послушавшись Слова Создателя, погрузился в обозрение ночи вместо того, чтобы обозреть свет. Именно об этом говорит первая фраза стихотворения:

«Я расшатал опору ночи».

Заметим, что ночь, - то же, что тьма, - это не что иное, как отсутствие света. «Светом» же в библейском смысле является Слово Творца, в Царствии Которого нет ни ночи, ни тьмы, ибо, по свидетельству пророков и апостолов, в нём сияет «*свет немерцающий*», то есть не сменяющийся ночью, или иначе, не подверженный времени. Отсюда ясно, что ночь символизирует отсутствие Слова Творца.

Следовательно опорой ночи является слово, противоположное Слову Творца, а именно: слово библейского Змея. Отсюда расшатать опору ночи – значит расшатать

гнездо Змея, живущего в тёмных недрах земли, то есть углубиться в созерцание ночи, или слова Змея, а не света, или Слова Творца. В результате воспользовавшись вниманием к нему,

*«вылез бодрствующий гад из тёмных недр
и что есть мочи ужалил землю наугад... и скрылся...»*

«Землёй» в Бытии называется та духовная субстанция, из которой Бог создал живую душу как человека, так и прочих населяющих землю существ. Поэтому ужалить землю означает ужалить и отравить живую душу, ибо внедрённое в неё жало Змея знаменует брак души со Змеем - Князем ночи, и жизнь во тьме, которая не позволяет душе видеть истинный Свет, исходящий из Слова Творца. Такое состояние её обусловлено одеянием тьмы, или иначе, смертными *«кожаными одеждами»*, которые Бог временно надел на падшего человека, изолировав таким образом его нагую прежде душу от того духовного мира, в котором и для которого она была создана. Иными словами, *«одежды»* эти явились стеной, которая, заслонив собой твердыню творения – вечно сияющий духовный мир, - открыла перед человеком мир плотский, свет которого мерцает, то есть сменяется ночью, а значит поместила его в мир иллюзорный, временный, построенный на основе лживого слова Змея. Сам же Змей, - нечистый дух, - ужалив человека, вселился в плоть его, став невидимым для его плотских глаз. В результате такой трансформации душа не только человека, но и всего живого оказалась в неволе ночи, которая сковала её свободное передвижение. Как говорит поэт,

«И душа в неволе зашевелилась тяжело».

Неволей её стали эти самые временные одежды, которые ограничили и сковали её свободу, как ограничивают и сковывают человека кандалы, не позволяющие ему свободно передвигаться, ибо каждый шаг в них причиняет ему боль и изнашивает его тело.

«И сердце мучилось от боли и жить без боли не могло», -

заключает поэт.

Таким образом, он, фактически, показывает, что причиной боли является постоянное пребывание человека (а вместе с ним и прочих носителей живых душ) в **несвойственных для души** и стесняющих её смертных одеждах. И боль эта будет сопровождать всякое живое существо до тех пор, пока душа человека не будет освобождена от них, то есть пока Творец не сбросит с человека его смертные одежды и не оголит вновь его душу, вернув её к первоначальному состоянию, - тому, в котором она была до грехопадения.

Это освобождение души на земле называется *смертью*, хотя на самом деле не является ею. Истинная смерть связана не со смертью того, что и так временно, то есть не со смертью смертных одежд, а со смертью души, созданной для вечной жизни. Жизнь же и смерть души зависят от наличия или отсутствия в ней совести, которой определяется Слово Божие, или Слово Творца. На то человеку и дана была временная жизнь с её болью и смертью, чтобы благодаря им он исполнился мудрости, осознав, что любое понятие состоит из двух противоположных начал –

добра и зла, жизни и смерти, - и что живёт лишь та душа, которая, отринув всякое зло, руководствуется только законами добра, даже если эти законы приводят к смерти её временные одежды, которые так или иначе должны быть сняты с неё, ибо, лишь живя по законам добра она сохраняет шанс остаться живой и принять участие в мире Божиим, который, согласно тем же пророкам и апостолам, проявится в конце времён.

Но человек с течением времени и в связи с кажущейся необратимостью случившегося так свыкся с ночью, что уже не отличает душу свою от её смертных одежд. Он примирился с тем, что рождается, чтобы умереть, и даже считает такой ход дел естественным законом вещей, или законом *жизни*, за которую он по сути принимает *смерть*.

И только тогда, когда Господу будет угодно снять с него его смертные одежды, освобождённый, он поймёт весь смысл и всё неподдающееся уму его превосходство творения Божиего и истинной жизни, которую он, строящий жизнь согласно своему эго, пока не знает. Тогда же проявится и состояние его души. Живые души увидят истинный свет жизни, которая не кончается, как и у её Создателя. Мёртвые же окажутся в тисках истинной смерти, которой также не будет конца.